

Юрий Штальбаум

КРАСНЫЙ ДОГ

МОСКВА 2020

Юрий Штальбаум

Красный Лог

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-1 Штальбаум
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Штальбаум Ю. К.

Красный Лог / Ю. К. Штальбаум — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-785-0

Книга включает одиннадцать различных по тематике произведений, объединенных глубоким пониманием жизни и умением ценить прекрасное в человеке. В основе рассказов и повести лежат правдивые, не выдуманные истории, драматические конфликты героев с их сложными судьбами и жизненными перипетиями. Историческая правда, узнаваемые детали и откровенное описание эмоциональных переживаний своих героев позволяют автору удерживать внимание читателей до последней страницы. Предназначена для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-1 Штальбаум
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-785-0

© Штальбаум Ю. К., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

Красный лог	7
Художник	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Штальбаум

Красный Лог

© «Пробел-2000», 2020

© Штальбаум Ю.К., 2020

Сборник «Красный лог» включает одиннадцать различных по тематике произведений, объединенных глубоким пониманием жизни и умением ценить прекрасное в человеке.

В основе рассказов и повести Юрия Штальбаума лежат правдивые, не выдуманные истории, драматические конфликты героев с их сложными судьбами и жизненными перипетиями. Реальность событий, чуткое отношение к деталям позволили автору создать яркие и запоминающиеся образы главных и второстепенных героев. Честный и открытый взгляд творческого человека открывает читателю неизвестные страницы истории родной страны через описание трудных и, зачастую, болезненных этапов в судьбах его персонажей, с большим интересом и вниманием читателя следуют за авторской мыслью, погружаются в череду драматически сменяющихся событий в истории большой немецкой семьи и юного Марка, совершающего непростой переход из детства во взрослую жизнь.

Историческая правда, узнаваемые детали и откровенное описание эмоциональных переживаний своих героев позволяют автору удерживать внимание читателей до последней страницы.

Глубина понимания многогранности человеческого бытия, умение вызывать яркие эмоции, погружать читателя на тонкий тан осознания # именно это характеризует творчество Юрия Штальбаума, нашего современника, человека активного и неравнодушного, живущего полной жизнью и щедро делящегося с нами своим талантом.

Ирина Макеева, кандидат социологических наук

... Красный Лог # это малая Родина многих поколений, в подавляющем большинстве это дети из обычных семей и скромных родителей, и выглядит она на фоне карты огромной страны маленькой, едва заметной точкой, которая излучает яркое свечение, она зовет и манит двигаться вверх и вперед. Спасибо тебе, Красный Лог, за радость и печаль, за встречи и разлуки, достижения и неудачи. Спасибо за яркие, незабываемые уроки жизни.

...До людей изредка доходили в те годы новости, передаваемые по ночам зарубежными радиостанциями о «кровавой расправе коммунистического режима над мирным населением Новочеркасска», а с очевидцев взяли подписи о «неразглашении информации» под страхом уголовного наказания...

... Как могло произойти, что родители не оставили родному сыну шанса вернуться в родительский дом, где он родился и прожил свои лучшие юные годы, у которого не было более родных людей, чем они? Родители поступили не по-христиански; партийные догмы и мораль застили их сознание и закрыли их сердца, всю жизнь они молились своим богам, где не нашлось места милосердию и любви к ближнему.

Автор

Красный лог

Сегодня уже никто из старожилов не может точно сказать откуда произошло название «Красный лог». Есть утвердившееся мнение, что это название он получил в годы Гражданской войны, когда армия Адмирала Колчака, двигаясь по территории России от Урала к Восточной Сибири, захватила станцию К...о Западно-Сибирской железной дороги, куда вошел корпус пехоты бело-чехов, которые отличались неоправданной жестокостью к местному населению. Начались аресты и мучительные допросы красных, большевиков, членов их семей и сочувствующих, а затем казни. Приговоренных уводили далеко на окраину в лог; по дну которого бежал ручей, заросший ивняком, черемухой и чертополохом вперемешку с крапивой, где их расстреливали, наспех закапывали тела и приваливали хворостом. Позже, в годы установления Советской власти на месте захоронений был сооружен неказистый памятник с красной звездой и надписью «Героям Гражданской войны». Иногда, к праздникам, памятник белили известью, но затем перестали и это делать, – так он и стоял сиротливо-брошенный знак исторической памяти кровавых событий и жертв тех лихих годин. Этим, пожалуй, и был красен, памятен лог; который окрестили «Красным». Он представлял из себя глубокую впадину, седловину или яр, который дугой опоясывал юго-западную оконечность города и протянулся более чем на восемь километров при ширине около четырех.

В верхней, южной части лога располагалась шахта имени Ленина, в центральной – шахта «Комсомолец», а в западной – шахта имени Кирова. Над каждой из них высилась пирамида металлического копра со звездой на вершине и огромные терриконы – горы породы, которую вывозили вагонетками «на гора» после проходки подготовительных выработок, да вентиляционные шурфы, нагнетающие в чрево шахты свежий воздух и оглашающие окрестность неимоверно громким и пронзительным воем вентиляторов.

Вдоль шахтовых территорий проложили стрелки железной дороги, по которым круглосуточно сновали паровозы в клубах дыма, громяхая порожними вагонами и откатывая груженные доверху сверкающим углем составы, которые затем следовали в западном направлении. Еще в конце девятнадцатого века в Балыксинской системе приисков бывшего Южно-Алтайского горного округа началась добыча ценного, с высоким содержанием антрацита коксующегося угля. Поиск драгоценных угольных пластов привел горных изыскателей к оконечностям этого лога, где в двадцатые годы двадцатого века были пробиты первые шурфы, стволы, штольни и заложены шахты, вокруг которых начали строиться рабочие поселки, со временем слившиеся в единое обширное море деревянных построек частного сектора, образовав огромный рабочий район «Красный лог».

Бедное в основном население строило для проживания простецкие засыпные домики с земляными завалинками и печным отоплением, благо уголь для этого был доступен. Местные власти иногда строили для инженерного шахтового состава и членам их семей, как временное жилье, дощатые засыпные бараки с отхожими местами рядом, во дворе, где навечно поселились полчища тараканов, клопов и огромных нахальных крыс, беспощадная война с которыми велась десятилетиями, но мерзкие твари категорически не хотели покидать облюбованные места.

Наряду с убогими хибарами, со временем все чаще стали появляться дома рубленные из кругляка с резными наличниками и черепичной или шиферной крышей, строили и кирпичные на высоком фундаменте – эти принадлежали более состоятельным домовладельцам. Земельные наделы в шесть соток хозяева застраивали стайками, сарайками, где держали свиней, коров, домашнюю птицу; более искушенные – сооружали голубятни, где разводили элитных почтарей, чубатых, мохноногих голубей, простые сизари здесь не котировались.

В ноябре 1941 года на шахты под конвоем привезли депортированных этнических немцев с Поволжья, Средней Азии и других районов необъятной страны, которых распределили в деревянные бараки за тесовыми заборами с колючей проволокой, – им был уготован опасный и тяжелый ручной труд под землей в обмен на скудную пайку. Это были уравновешенные, законопослушные и трудолюбивые люди, которых придавила вина «ответственности» за нападение Германии на СССР, которым не верили и назначили крайними за вторжение. Пройдут годы, и станет известным имя и подвиг легендарного немца Рихарда Зорге, имена других немцев – Героев Советского Союза и еще много неожиданного, о чем упорно замалчивалось, и лишь 3 сентября 1993 года Законом Российской Федерации немцы были признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы наряду с другими депортированными народами. Затем в Логу появились крымские татары, ингуши, литовцы, латыши, эстонцы – в прошлом «лесные братья», которые, сколотив бандформирования до 1947 года скрывались в лесах Прибалтики, терроризировали местные органы власти и мирных жителей; затем главарей и ярых сторонников расстреляли, остальным дали различные тюремные сроки. Незаметно и тихо поселились «бандеровцы», «власовцы», которые жили обособленно в отдельных бараках, в 1941 году встречавшие гитлеровские войска хлебом-солью, добровольно сдававшиеся в плен врагу, на чьей совести была кровь десятков тысяч евреев, ПОЛЯКОВ... Никаких отношений они с местными не поддерживали, а те называли их только предателями и не скрывали своего презрения. Общеизвестно, что Сибирь в народе называли краем каторжан, ссыльных и зеков. После войны, затем смерти Сталина в 1953 году объявили общую амнистию политическим заключенным и уголовникам, многие из которых после отсидки в лагерях остались на поселении в этих краях и прижились в Красном логу.

Таким образом плотно заселенный, многонациональный, противоречивый, порой враждебный своими настроениями рабочий район шахтерского городка К...а постепенно стал приобретать дурную славу; спускаться в Лог по-темну считалось небезопасным, где люди ходили спешно и с оглядкой, женщины и молодые девушки вечером без необходимости за ворота не выходили, да и парни старались держаться друг-друга на всякий случай. Жизнь местного населения была не из легких, чтобы прокормить семьи мужики горбатились в шахтах в три смены, рискуя жизнью и часто погибая под землей. Нравы рабочего люда и бывших зеков отличались непримиримостью и дерзостью, пьяные драки с нанесением увечий были делом обычным. В районе хозяйничали блатные и всякая шпана, без опаски «забивающая косяки» и курящая их для «кайфа и Кумара»: водяру тоже употребляли, но предпочтение отдавали «травке». Лог «держали»: пятидесятилетний однорукий Ваня, отсидевший на зоне более тридцати лет и Коля Хай – тридцатилетний шустряк с неизменной финкой в кармане, ходивший по этапам с малолетства, в ночные смены шахтеры ходили с топором на плече, особенно в дни выдачи зарплаты, но это спасало не всегда: работяг грабили, и нередко утром их находили истекшими кровью от ножевых ранений и остывшими в кустах на обочине.

Лог; как огромная воронка втягивал и расселял по кривым, ломаным линиям переулков и улочек, часто не примиримые, искорёженные людские судьбы и характеры, а затем, подобно плавильному котлу, смешивал чужеродные элементы и взаимоисключающие энергии, перемалывал и переваривал эту людскую массу, и на выходе получались индивиды уже более-менее пригодные для жизни в социуме.

Но многие отчаянные продолжали искать свою правду, так и не смогли очеловечиться; они бунтовали, противились действительности, отвергали любые законы, неизбежно становились асоциальными и опускались на дно жизни, растворяясь в тюрьмах, зонах или на погосте.

Прокормить большие семьи было трудно; люди разводили огороды, выращивали овощи и особенно – основной продукт питания – картофель, откармливали свиней, кур и даже коров. Полуголодные, тревожные, часто тяжелые военные годы постепенно уходили в прошлое, люди отогрелись. Жизнь стала сытнее, и жить, как говорилось «стало веселее». Но!..

Первый Секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев инициировал Совету Министров издать Указ от 1 октября 1956 года, который запрещал содержать домашний скот и разводить личные подворья без уплаты прогрессивного налога, держать разрешалось только несколько штук домашней птицы; по огородам бесперомонно рыскали спецконтролеры, подсчитывая количество живности на подворьях, нещадно штрафуя и запугивая население. Люди начали массово забивать коров, телят, свиней. Над Логом разносился рёв издыхающих коров и душераздирающий визг поросят, кровавое побоище длилось несколько недель... дети были напуганы страшным зрелищем и украдкой, выглядывая из окон и видя спящих по дворам взрослых с тесачами в окровавленных руках, молчаливо оплакивали тех, кого совсем недавно кормили, поили, ухаживали...

Затем над районом повисла щемящая тоска от людской безысходности, дворовые собаки, ошалевшие от невообразимого многодневного стога и визга затихли, попрятавшись кто в будках, иные в кустах; многие мужики ушли в запой, поминая советскую власть крутыми, многоэтажными оборотами, женщины ломали голову, что делать с избытком мяса в отсутствии снега и холодов? Ведь холодильников в ту пору практически не было; мясо понесли на рынок продавать. Но для нас, пацанов, родившихся и проживших в Логу свои детские и юношеские годы он не казался опасным или пугающим, для нас это было загадочное, манящее, родное и единственное место на земле, где чаще всего было радостно, интересно жить, постоянно и увлеченно открывая все новые и светлые, и грустные грани действительности, наш калейдоскоп восприятия окружающего был многоцветным и отчасти беззаботным.

* * *

В Западной Сибири зима всегда приходит неожиданно: еще вчера, не уставая, сеял унылый дождь, затем вдруг проглядывало солнце, дороги улочек и переулков были залиты озерами луж и лужиц... А уже утром крыши домов, дворы и дороги завалены мягким пушистым снегом, который величественно и медленно накрывает белым полотном распахнутое, необъятное пространство Лога, а лужи накрепко схвачены льдом. Крупные, мохнатые снежинки медленно спускаются на землю несколько дней кряду, все более выбеливая вокруг дома и домишки, заборы и плетни, сарайки, до неузнаваемости преображая, очищая и накрывая этим рыхлым пуховым одеялом всё вокруг.

Стоя на верху левого берега Лога, ты видишь внизу перед собой почти остановившуюся, недвижимую сказочную картину, словно написанную мягкими акварельными красками: уходящие вдаль к горизонту присыпанные снегом жилища, одинокие фигурки неспешно идущих людей с сумками, коромыслами и ведрами, резвящихся в бодрящем снежке собак, ребятишек, катающих в огородах липкий, влажный снег для снежных баб, снеговиков, крыши домов, над которыми чуть извиваясь, поднимаются вертикально вверх голубоватые струйки дыма из печных труб; и здесь возникают образы и пасторальные мотивы картин знаменитого нидерландца Брейгеля.

С наступлением сумерек окрест включаются мириады электрических огоньков, свет которых, слегка дрожа и мерцая, пробивается сквозь снежную пелену. Но особенно неотразим он был с наступлением крещенских морозов, когда все вокруг торжественно замирало под пушистыми шапками искристого, небесно-голубого снега и, над ним устанавливалась звенящая тишина, изредка нарушаемая хрустким поскрипыванием снега под ногами одиноких прохожих.

В начале ноября ударяли первые морозы, иногда ртутный столбик термометра опускался ниже отметки сорок градусов, и тогда городские власти отменяли праздничную демонстрацию на площади, посвященную годовщине Октябрьской революции. А счастливые школьники официально могут не ходить на занятия, но с удовольствием проводят время, особенно отча-

янные пацаны, на улице, где их любимым занятием являются гонки на санных поездах. Подождав, когда немного отпустят морозы, любители острых ощущений собираются у магазинчика на верху горы, где заканчивается, разрезая Лог сверху вниз улица Горняцкая, которая тянется более километра и упирается в мост на дне оврага, переброшенный через ручей. Чтобы собрать полноценный состав нужно не менее восьми-десяти саней с загнутыми полозьями, когда лежащий на санях впереди может ногами зацепить заднего, и получалась сцепка, те передний – рулевой чаще был постарше и опытнее остальных, его задача – объехать кучи шлака, рассыпанные вдоль дороги после печного отопления и прохожих с коромыслами, ведрами и без них. Замыкающий разгонял состав, который быстро набирая скорость на крутом склоне, с гиканьем и свистом стремительно несся вниз, поднимая тучи снежной пыли, разметывая по обочинам в сугробы зазевавшихся прохожих, испуганных собак и котов, при этом вся улица сверху донизу оглашалась невообразимым лаем всполошившихся дворовых собак. После короткого обсуждения итогов заезда, команда вновь поднималась наверх, и вновь захватывающий дух стремительный спуск, затем опять подъем на старт. Случались и аварии, когда отдельные сани отрывались от состава и переворачивались, а то и весь состав заносило в сугроб или в кювет, а затем с треском в забор... и лишь когда начинали светиться окна домов, разгоряченные и слегка уставшие, но счастливые гонщики неспешно расходились по домам с тем, чтобы завтра опять собраться на горе.

Еще они любили накручивать веревками на валенки коньки «обрубьши», «снегурки», а счастливики имели даже «дутьши», и рассекать по укатанному, скованному морозом насту дорог; льду озерков и стадиона, или соорудить на крутой Горняцкой лыжный трамплин для прыжков. Но однажды окрестности облетела весть о том, что подросток приземляясь, упал на лыжную палку, острие которой пронзило его насквозь, но благодаря чуду, паренек остался живым: хирург-фронтвик, делавший ему операцию, повидавший на войне самые серьезные ранения, немало удивился тому, что палка прошла, но не задела его важные органы, – как тут не поверить в Ангела-Хранителя?

После Нового года снежные заносы заматали дома под крыши, перекрывали все выходы, из под снега сиротливо торчали лишь печные трубы да скворечники на коньках крыш. Соседи поочередно откапывали друг-друга лопатами, прочищали тропки для выхода на улицы, ну а дальше уже кто как сможет, – по колено или по пояс в снегу, кто в школу, кто на работу, брели след в след. Наконец, наступало самое подходящее время рыть снежные пещеры, гроты, окопы и блиндажи. Детвора, подобно кротам, азартно и увлеченно рыла, вырезала, трамбовала снег; создавая сложные, запутанные лабиринты, где все, разделившись на «своих» и «врагов», с удовольствием играли в войнушку. Однажды, проснувшись утром, в одном из огородов жители увидели копию танка, только в снежном исполнении, где дулом служила двухметровая гладкая жердь, закамуфлированная снегом: глядя на это произведение, взрослые улыбались и одобритительно кивали, а ребятня со всей округи сбегалась поглазеть на эту невидаль.

Рано или поздно приходил март, теплое солнце все чаще заглядывало в окна, пригревая нежную герань и сидящих на подоконниках, зажмурившихся котов. На карнизах крыш с выросших сосулек капала талая вода, снег становился ноздреватым и оседал. Затем однажды на дорогах появлялись лужицы, а с горы потекли ручейки и постепенно, набрав силы, уже стремительно неслись мутные потоки на дно оврага к ручью, превращенному в бурлящую грязную реку. Снег сползал с разогретых крыш домов, и они стояли очищенные, подсыхая и слегка дымясь под лучами щедрого солнца. Также внезапно прилетали вездесущие, долгожданные скворцы и начинали выкладывать свежую подстилку в скворечниках, при этом неустанно насвистывая свои серебристые трели и напропалую бранясь с воробьями за квартиры, строительный материал и вообще...

Прошло более пятидесяти лет, а эмоциональная память хранит до сих пор эти весенние запахи подтаявшего снега, высыхающей земли огородов и дорог; знакомый и волнующий запах

дыма костров, сжигающих прошлогодние листья, сухую картофельную ботву и полынь, когда слегка подбеленный дым с огородов, поднимаясь сливается в один огромный ажурный полог и надежно накрывает Лог до утра. Или утренняя переключка молодых, звонких, горластых петушков с хрипатыми пожилыми петухами... А еще – ленивая брехня дворовых собак на ночном посту, которые сообщают друг-другу о текущей ситуации: «все нормально, чужих нет». Но если появляется неожиданно ночной гость, сигналы хозяевам и друг-другу становятся тревожными, угрожающими, злобными, – эта многоголосая вакханалия, даже переполох, может продолжаться очень долго и до хрипоты, но главное – долг выполнен, враг обнаружен, сообщение передано незамедлительно и продублировано неоднократно. Говорящим признаком прошедшей весны также были скопления ребят в школьном дворе на переменах, на подсохших отмоستках домов, едва подернутых зеленью полянках, где велись баталии под счет и на вылет в зоску. Или игра в еще более азартный пристенок (в «чику») на деньги. Для изготовления зоски, или биты, нужен был свинец, и пацаны рыскали по шахтовым отвалам, заброшенным шурфам, где находили куски электрических кабелей, срезали свинцовую оплётку, на кострах плавил его в консервной банке и отливали любую нужную форму прямо в грунте.

Но самой яркой и памятной была весна, а точнее – двенадцатое апреля 1961 года, когда полетел в космос первый космонавт на земле Юрий Гагарин; на школьной линейке директор огласил важное Правительственное сообщение, и на этом занятия были закончены. На улицах общее ликование, флаги, транспаранты, цветы, шары, люди организованно и стихийно двигаются в сторону городской площади, на их лицах восторг и радость, – это был всенародный праздник гордости за страну, за людей, запустивших ракету не с собачкой, а уже с человеком. Такой эмоциональной силы восторг и радость мог испытать только народ, который прошел через страшные испытания голодом, разрухой, войной и страхом, потерей родных и близких, но все выдержавший и победивший. Это был для нас первый в жизни, по-настоящему значимый праздник, когда мы, дворовые пацаны впервые реально испытали гордость за страну, за такой сильный, умный и смелый народ, частью которого с нетерпением хотелось стать и быть похожими на героев.

* * *

К середине мая устанавливалась теплая солнечная погода, по вновь вскопанной жирной земле в огородах бесцеремонно сновали прилетевшие скворцы и грачи в поисках любимой еды. Деревья выбрасывали свежие, блестящие и клейкие листочки, на ветках яблонь, черемухи, вишни набирали силу, набухали соцветия и однажды утром, повинуясь какой-то магической силе, начинали разом распускать нежные бело-розовые, ароматные цветочки, привлекая вокруг мириады неутомимых пчел. На сколько хватало взгляда вдаль, весь Лог превращался в цветущий сад, одетый в яркий торжественный наряд, те дышалось легко, свободно, без усталости хотелось наполнять легкие благоухающим запахом весны.

Все дети во все времена любили смотреть кино, есть мороженое: пломбир, эскимо, вафельные стаканчики, пить газировку с сиропом – грушевую, яблочную, вишневую... и мы стали соображать, как заработать денег на карманные расходы? Ленивые кланчили у родителей, бабушек, а смекалистые с утра выходили «на работу»: мы исследовали дорожные кюветы, шахтовые отвалы, чердаки, овраги и огороды, железнодорожные пути, всевозможные свалки, где предметами наших интересов были тряпье, кости, стеклотара, цветной металл – свинец, медь, алюминий, бронза, затем все собранное, раскопанное и добытое складывалось в мешки и уносилось, отвозилось в приемные пункты «Вторчермета». Здесь в обмен давали незатейливые игрушки, шарики, мячи, пистолеты с пистонами... другой «ширпотреб», и китайские электрические фонари, а к ним батарейки, – обладатель фонарика становился состоятельным объектом зависти. Бутылки, банки, принимали за деньги, и это считалось выгодным бизнесом,

где жесткую конкуренцию нам составляли «алики» и престарелые люди, но выигрывали более шустрые. Одним словом, трудолюбивые, коих было меньше, регулярно приобщались к высокому искусству кино, уничтожая нещадно, обожаемое и желанное в любое время суток мороженое.

В какой-то период нас многих накрыла тяга к коллекционированию марок, старинных денег; спичечных этикеток: это занятие занимало немало времени, изобретательности и усилий. После объявленной в 1961 году денежной реформы, когда взамен огромных бумажных купюр в оборот вошли новые миниатюрные денежные знаки и серебряные и медные монеты (шахтеры тогда нередко носили зарплату в наволочках, прежние банкноты в пачках в карманы невозможно было растолкать), люди избавлялись от старых и охотно менялись на новенькие сверкающие монетки и усеченные купюры. Более всего коллекционеры ценили царские монеты с двуглавым орлом и серебряные полтинники, а также редкие иностранные монеты – тугрики, песо, центы, пфенинги, йены, стотинки... Охота за марками и спичечными этикетками имела свои особенности: конверты, почтовые открытки и коробки мы собирали, изымали и выпрашивали у знакомых, соседей, прохожих, подбирали в мусорках, на вокзале, у магазинов, затем марки и этикетки отпаривали над кипящей кастрюлей или чайником, аккуратнейшим образом отклеивали и разглаживали утюгом. А еще, писали письма на многочисленные спичечные фабрики бывшего СССР, иногда их директорам, и, как правило, в ответ приходили бандерольки с новенькими типографскими оттисками набора этикеток, которые становились солидным обменным фондом в наших коллекциях. Но вот появилось новое увлечение, хобби – самокаты. Велосипеды были редким и дорогим удовольствием, зато самокат собственного изготовления стал привычным средством передвижения азартной ребятни; главное в этой конструкции – найти шариковые подшипники нужного диаметра. Самокаты мастерили из подручных материалов; в ход шли доски, рейки, проволока, но с выдумкой, чтобы не походил на соседский, иногда делали трехколесный с люлькой-прицепом для чего использовали ящики из под фруктов, особым шиком считалось приладить на руль ручной тормоз и даже звонок, с неимоверным шумом и грохотом мы носились на этих средствах с «ручной тягой» по грунтовым дорогам и реже – по асфальту, сопровождаемые косыми взглядами прохожих и не дружелюбным лаем собак.

С наступлением лета мы целыми днями пропадали возле котлованов, залитых водой, на озерах, любимой речке Ине, или часто с риском для жизни, спускались в шахтовые заброшенные выработки, шурфы, лазили по отвалам в поисках бронзовых трубок, не использованных капсулей и кусков динамита. Самые отчаянные пускали в ход трубки для изготовления поджиги; заклепывали наглухо один конец, пропиливали сбоку маленькую щель для возгорания заряда, трубку – дуло прикручивали накрепко проволокой к вырезанной из дерева рукоятке, начиняли серой от спичек или порохом от старых патронов, засыпали мелкие шарики, забивали сверху пыж из жеваной бумаги и шли на «полигон» расстреливать ржавые банки. Иногда наша подростковая удаль и самонадеянность приводили к печальным последствиям: наш двенадцатилетний сверстник Мишка, уперев дуло поджиги в грудь, занимался перезарядкой ствола и высек случайную искру... заряженный шарик пробил грудь и вошел в сердце, смерть была мгновенной. Он лежал с бескровным лицом, словно недавно уснул, его хоронили все пацаны окрестностей Лога и плакали, вскоре многие утопили опасное оружие в клозетах. Однако рискованные забавы продолжались и уносили все новые жизни. Соседские мальчишки в отвалах породы нашли неиспользованный купсуль – «жевел» и долго возились с находкой, но чтобы произвести подрыв нужна была электродетонация: нашли медную проволоку, протянули линию, приготовили электробатарейку, засели в сарае и соединили контакты... Но здесь же в углу, прикрытый тряпьем стоял старый газовый баллон, который сдетонировал от разрыва капсуля, – сарай разнесло в щепки от взорвавшейся «бомбы», эхо прокатилось по всему Логу и снова похороны, но один из двоих, к счастью уцелел.

И вот нагрянуло новое испытание для народа, – наш «добрячок-старичок», глава Правительства СССР Н.С. Хрущев издал очередной указ – поля повсеместно и безоговорочно засеять кукурузой, на манер американских фермеров, хотел, наверное, «как лучше», но получилось «как всегда». Кукурузная компания, навязанная народу, привела к тому, что к 1962 году хлеба

не стало, как в войну, вернее, продавали его теперь по талонам и спискам учета едоков в семье, но зато прилавки магазинов были завалены банками с кукурузным сиропом. Нам памятливы эти нескончаемые хлебные очереди у магазинов, которые занимали глубокой ночью, под дождем и снегом, простаивая в ожидании привоза свежего дефицита.

Однажды в разгар лета по Логу пронеслась заманчивая весть о том, что на сенокосные работы в соседнее село Георгиевка набирают желающих подработать, и мы двинулись гурьбой из шестнадцати человек, одержимые желанием заработать кто на велосипед, другие на зимнюю одежду и обувь...

Возле избы Правления нас встретил молодой мужик с лукавым прищуром и весело спросил: «Курящие есть? Не стесняйся, шаг вперед!..» Ровно половина нашей братии курили с семивосьми лет или «баловались», – немного подумав и помявшись, они вышли вперед.

– Значит, так – продолжал, разглядывая нас, бригадир;

– Кругом сухостой и сено, солнце печет нещадно, дождей нет, если полыхнет – сгорит все к чертовой матери вместе с деревней, никакие пожарники не успеют спасти... Вникаете? Рабочий день с шести часов утра до восьми вечера, обед будем привозить в поле, никаких разборок и драк, а также больничных. Вас расставят в звенья по три человека, и если кто-то отсутствует, то его заменить нечем, звено уходит на простой, зарплаты нет. Ясно?

Пацаны не всё понимали толком, но то, что работа предстоит нелегкая, где не «забалуешь», – было понятно.

– Будете сгребать конными граблями скошенное сено в валки, валки собирать граблями в копны, затем вилами в стога. Коней поить, кормить, чистить, запрягать и прочее будете самостоятельно, как запрягать покажет конюх, и он кивнул головой в сторону шестнадцатилетнего крепыша по имени Тольша.

– А теперь, желающие работать, – сдать спички и папиросы, махорку тоже и за мной к конюшне. Все до единого выложили на лавку у крыльца содержимое карманов, с этого момента начиналась наша трудовая биография, где нам предстояло узнать и ощутить на себе с каким трудом зарабатываются эти самые большие деньги. Ездовыми, для управления лошадей, впряженной в двухколесную железную грабельную телегу назначили тех, кто постарше и сильнее, остальным раздали вилы и грабли.

На следующее утро после первого рабочего дня мы встали чуть живые, болело буквально все, а двое наших вышли и молча побрели в сторону города, их никто не упрекал, не задерживал, каждый делал свой выбор; или терпел, или надламывался, как многие до них, – позже мы узнали, что некоторые мужики, пришедшие на заработки, не выдержали и ушли. Первые два-три дня были настоящим испытанием на выносливость, зато потом все наладилось, все освоились, включились в рабочий режим и работа пошла веселее, увереннее. Все поняли главное, – они справляются с заданиями не хуже взрослых, появился азарт и желание доказать всем, что это уже не дети, а вполне взрослые, самостоятельные люди.

Самым сложным и увлекательным делом оказалось общение с лошадьми, а их было шесть разномастных, больших и сильных, не всегда покладистых и смиренных животных. Норовистый, непредсказуемый Воронок, скачущий галопом к водопою, внезапно мог остановиться как вкопанный, и седок летел через голову, рискуя покалечиться, кубарем на землю. Пожилая, рыжая с проседью Ломиха входила по брюхо в воду с седоком, не торопясь, со свистом цедила сквозь зубы прохладную влагу, а затем медленно заваливалась на бок, желая притопить «помеху» на спине. Или гнедой Красавчик с густой гривой и стриженной челкой, махнашками вокруг казанков и копыт, всегда норовил зайти спереди и лягнуть лошадь в грудь или куснуть молодыми зубами то за ногу, то за плечо... А еще была в конюшне одна лошадка белой масти, трехлетняя резвая кобылка Красавица, которая вынюхивала у всех подошедших ладони в поисках корочки хлеба, и часто ее находила. Эту ласковую и умную лошадку конюх Тольша запрягать не давал, жалел ее и берег от изнурительной работы под жарким солнцем, от злобного натиска

полчищ кровососущих оводов и слепней, влекомых запахом пота лошадей, оберегал, как старший брат свою сестренку.

В конце очередного рабочего дня, искушенные слепнями, поджаренные лучами солнца, пропотевшие и уставшие до чертиков, мы распрягали лошадей, садились верхом без седел, а иные пешком и устремлялись к спасительному пруду, где вволю купались, поили лошадей, заботливо их мыли, терли, затем стреноживали и отпускали на ночь пастись на лугах вокруг воды. Мы, уже не сговариваясь, продолжали заниматься приятным знакомым делом – варить «шулюм»; кто-то с удочками садился на берегу и сноровисто тягал карасей одного за другим, другие таскали хворост для костра, кашевар ставил котел, чистили старую картошку и рвали полевой лук, он же звался чесноком. За веселым ужином припоминали курьезы рабочего дня, при этом сгущая краски и привирая, добродушно подначивая друг-друга; когда луна выкатывалась на небо, сытая ребяшня удобно располагалась вокруг костра на прогретой солнцем поляне. Июльская ночь зажигала на бездонном, черном небе тысячи сверкающих звезд, все вокруг торжественно замирало и засыпало, лишь неутомимые кузнечики продолжали свой стрекот да где-то недалеко, изредка фыркая, хрумкали сочной травой работяги-лошади, серыми тенями медленно передвигались по лугу, в такие моменты человек становился серьезным и задумчивым, не хотелось болтать по-пустому, или чудачить, мир священной тишины входил в тебя и ты растворялся в нем, становясь частью этого мира.

О чем думали мальчишки, широко раскрыв глаза и разглядывая загадочное, бездонное небо? Мы вряд ли узнаем, но можно все-таки предположить, что тогда они были наполнены тихим счастьем... Затем все неспешно направлялись к бревенчатому строению, бывшему складу, а теперь нашему ночлегу с деревянными нарами вдоль стен, чтобы крепко уснуть до утра «без задних ног». Какое это счастливое, безоблачное время было тогда, время нашего уходящего детства и взросления. За это памятное лето мы как-то неожиданно подросли, загорели и окрепли, поняли, что кроме веселых забав и шумных игр существует напряженный, тяжелый человеческий труд в коллективе, где надо научиться понимать друг друга, считаться с мнением других. На заработанные деньги каждый купил то, о чем мечтал, я же долго потом щеголял в сером демисезонном пальто классического кроя и гордился своим первым в жизни приобретением.

* * *

В середине шестидесятых мы впервые услышали слово «Битлз», толком не понимая его значения и лишь предполагая, что это музыканты из-за «бугра», причем, запрещенные, у одного продвинутого меломана, имевшего магнитофон, что было редкостью по тем временам, мы слышали эти песни, – энергичные, ритмичные, будоражащие воображение. Но пели они и песни лирические, с красивой мелодией, даже чувственные, мы догадывались – это про любовь. Затем стали появляться пластинки на «костях» (рентгеновских пленках) для проигрывателей, которые немного расширили познавательный круг интересов, – словом «Битлз» стал предметом нашей охоты. Одновременно молодые умы и сердца стал занимать певец Владимир Высоцкий, которого все считали исключительно своим парнем, он входил в наши дома через записи-перезаписи магнитофонных пленок, в домах у людей стали появляться проигрыватели, радиолы, спидолы и даже телевизоры, правда, сначала с маленьким черно-белым экраном и всего двумя программами. Наши замечательные, любимые радио и телевидение познакомили нас постоянно с новыми именами советских и эстрадных певцов, ставших кумирами: Елена Великанова, Лариса Мондрус, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Майя Кристаллинская, Эмиль Горовец, Карел Готт, Владимир Трошин, Лев Ухнарёв, Анна Герман, Аида Ведищева, Галина Ненашева, Эдуард Хиль, Валерий Ободзинский, Вадим Мулерман, София Ротару, Владимир Макаров,

Олег Анофриев, Муслим Магомаев... и, конечно, всем было интересно как одеваются, что носят кумиры в СССР и за «бугром»?

Возвращаясь в прежний период, важно помнить, что в 1957 году в Москве проходил Первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов, на который прибыли представители всех континентов, народов, культур земного шара. Люди фотографировались, обменивались сувенирами, деталями одежды, костюмов, платьями, украшениями... Несколько недель все средства массовой информации освещали это грандиозное, многокрасочное, карнавальное и разноязыкое событие: на молодежный форум были направлены лучшие представители студенчества всех регионов, Республик и областей СССР.

Участницей фестиваля стала и студентка медицинского училища, наша соседка, жившая на улице Горняцкой Галя Табакова, умница и красавица, неприступная мечта всех парней округа, которая естественно привезла различные подарки, сувениры, косметику... одним словом все, на что хватило денег. Кстати, именно на фестивале она познакомилась с монгольским горным инженером, который взял ее в жены и увез в Улан-Батор, где у них родилась дочь Лариса, но брак вскоре распался, и она вернулась домой. Образцы модной одежды и стиля проникали в нашу жизнь и таким транзитным способом, все нити современного стиля тянулись к Москве, да и модные журналы поступили в продажу, а также популярные «Огонёк», «Работница», «Крестьянка», которые будоражили фантазии и формировали вкусы молодежи, и вот на смену хромовым сапогам пришли туфли-лодочки на каучуковой подошве и белые носки, вместо галифе и широченных штанин с манжетами – дудочки, где особым шиком считались разрезы с одной или двух сторон штанин, исключительно белым шарфам предпочли цветные кашнэ, появились «бабочки», галстуки – «селетки» и «шнурки». Но самыми модными, а потому и дефицитными считались цветные галстуки с тропическими мотивами – пальмы, попугаи, море, чайки... и даже неотразимые красотки. Прически тоже претерпели серьезные изменения, в моду вошли «ежики», пробы на бриолине (часто взамен использовали вазелин), волосы до плеч, у девушек короткие стрижки с начесом, челки или шиньоны в стиле «Аля-Бабетта».

И, конечно, девчонок и мальчишек, предпочитающих новый стиль, окрестили «стилягами», за ними буквально началась охота в лице дружинников, комсомольских патрулей и различных рейдов по общественным местам – кинотеатрам, танцевальным залам, клубам, Домам культуры, паркам, где их унижали, позорили, стригли наголо, составляли акты, штрафовали... Война эта носила непримиримый острый характер, где победителей не было, но был ярко выраженный вызов обществу и бессмысленные, запретительные акции партийных органов, которые явно не могли победить в силу подлых тактических приемов в виде комсомольских и партийных собраний, где применялись чаще карательные меры (выговор, выговор с занесением, исключение, различные лишения, осуждения через доску позора, стенгазету, средства массовой информации и другие ухищрения, и вдруг; эта идеологическая кампания преследований «стиляг» также внезапно прекратилась, как и началась. Молодежь с облегчением вздохнула и уже свободно одевалась кто во что горазд, сообразно своим вкусам, пристрастиям, а главное – возможностям, что не вызывало в обществе возмущений, протестов или партийных истерик и желания клеймить заблудших.

В начале шестидесятых Дома культуры, выстроенные для шахтеров, сверкали красотой портиков и фасадов, архитектурной лепниной и скульптурами, белоснежными колоннами, а на площадях перед «Кировцем» и «Ленина» были сооружены гранитные фонтаны, где всегда любили собираться и взрослые, и дети. А вот скромный клуб «Комсомолец» был деревянным одноэтажным зданием, как говорится «без претензий», но именно здесь играл замечательный эстрадный оркестр, куда в выходные дни устремлялись толпы молодежи на танцевальные вечера. Оркестр мог с листа играть любую тему или песню, исполняя наизусть по заказу десятки репертуарных произведений: особый восторг вызывали саксофонисты – «тенор» и

«альт» братьев Алика и Андрея Веберов, да и трубы, тромбон, особенно ударник играли вдохновенно и виртуозно. Где удалось «Комсомольцу» собрать таких мастеровитых музыкантов, обеспечить их импортными музыкальными инструментами (чего стоили одни только чехословацкие саксофоны, инкрустированные под золото, а ударная установка, сверкающая как новогодняя елка с обтянутыми пластиком барабанами?!) для всех оставалось загадкой, но оркестр этого скромного очага культуры, которым руководил Виктор Тетерин считался лучшим в городе.

Любознательная молодежь осваивала активно все танцевальные площадки и Красного лога, и города в целом. Однажды небольшая ватага забрела в ДК «Кировец», и после танцев один из парней решил проводить местную девушку домой, – лучше бы он этого не делал... Их встретила и обступила орава местных, многие были под кайфом, в руках одного ухаля блеснуло лезвие ножа... девушка спасла провожатого от неминуемых последствий наезда, изрядно помятый он ретировался под свист разнузданной компании и спасался бегством.

Весть о ночном инциденте облетела Лог... кировские беспредельщики, толпой на одного, да еще с пиковиной, обнажил и стал писаться, фразериться, а это уже «западло», это нарушение понятий, закона, это уже не пацан, а «баклан», – значит, надо наказывать по справедливости, – решил сход старших парней Лога.

Следующим вечером парламентареры посетили фонтан у ДК и там забили кировским «стрелку» на субботу, на банный день. Готовились тщательно и серьезно, чистили ружья и обрезы, доставали и покупали патроны «бекасины» с мелкой дробью на птицу, иные мастерили сабли из обручей, снятых с бочек, были и цепи, и увесистые палицы. Многие запаслись шахтерскими касками, кои были почти в каждом шахтерском доме, для защиты от дроби противника. Старшина отряда двадцатилетний Вовка Достовал объявил время сбора, но запретил являться тем, кому нет шестнадцати, и тогда бойцы-новобранцы смекнули, что будет серьезная «заруба».

Августовская субботняя ночь была безлунная и пасмурная, все окна в домах закрыты наглухо ставнями, свет повсеместно выключен, Лог погрузился в напряженное ожидание и зловещую тишину. Отряд из сорока человек осторожно, с оглядкой начал бесшумно спускаться вниз по узким улочкам в сторону кладбища, натянув козырьки головных уборов до бровей, иногда останавливаясь и прислушиваясь; страха не было, была сконцентрированность на поиск врага и нехороший, охотничий азарт, – мы знали, что они где-то здесь, прикрылись темнотой и выжидают, они нас видят, мы их нет...

Внезапно справа в огородах выросли серые силуэты, блеснули языки пламени из десятка стволов и грохот залпа прокатился по притихшим улочкам. Отряд залег и ответил своим более мощным залпом, а затем быстро перезаряжаясь, стали палить на выбор по мечущимся силуэтам кто с колена, кто лежа в полыни, потом отряд ринулся вперед, затрещали и застонали палисадники, заборы и калитки, те отступили и растворились в бесконечных, мрачных лабиринтах огородов, сараев и плетней – враг был подавлен, он бежал, в воздухе повисли клубы сизого порохового кислого дыма, домишки справа и слева как бы вжались в землю, собаки молчали и лишь одна пыталась робко завывать.

Одного из ополчения все-таки зацепило: он стоял раскрыв рот, беспомощно разводил руки, пытаясь закрыть его, но тщетно. Дробина вошла чуть ниже глазницы, прошла по косой под тканями вдоль челюсти и засела в суставной сумке, заклинив ее, отчего рот не закрывался и сверкал белыми зубами, – и смех и грех, ну вылитый Щелкунчик из сказки Гофмана. Его увезли в больницу, извлекли злосчастную дробь, и все обошлось, как говорится, малой кровью. Но после этого столкновения на длительное время установился мир. Красный Лог стал спокойным и мирным районом, все поняли, «что худой мир лучше доброй ссоры».

* * *

На дворе стоял май 1965 года, центральная площадь города была залита ярким солнцем и заполнена народом с флагами и транспарантами: «Привет Победителям чемпионата мира», «Поздравляем золотыми медалями», «Гордимся, любим, так держать»... Так встречали Победителей чемпионата мира по спортивной гимнастике среди юниоров, проходившего на Кубе, Каданёва, Фогеля и наших «логовских» Гурина и Дубса. Юные спортсмены в белых гимнастических трико с вышитыми золотом гербами страны на груди, сверкающими медалями на красных лентах, едут в автомобиле с открытым верхом сквозь запруженную восторженными, рукоплещущими им людьми площадь, растерянные и смущенные таким радушием благодарных сограждан, – это были их минуты славы и истинного счастья.

Для сверстников эти ребята, ставшие вдруг в одночасье героями, были просто соседскими пацанами, ничем не выделялись, также гоняли мяч, набивали зоску, вместе ходили на рыбалку, учились как все, не были отличникам и вдруг – Чемпионы!

Позже к достижениям этой четверки прибавятся десятки чемпионов, призеров европейского и мирового уровня, в том числе олимпийская чемпионка Мария Филатова, затем в городе будет выстроен гимнастический Дворец – Школа Олимпийского резерва под руководством ее основателя легендарного тренера Иннокентия Маметьева. Для глубоко провинциального сибирского городка, такого уровня достижения гимнастов в огромной стране с ее безграничными возможностями считались фантастическими, тогда спортивное сообщество только могло разводиться руками, наблюдая за этим феноменом. Каждый второй мальчишка и девчонка города из всех видов спорта предпочитали спортивную гимнастику; «школу Маметьева» знали не только в СССР, но и во многих странах мира.

Многие пацаны из бараков и частного сектора, нередко «безотцовщина» Красного лога проходили отбор и счастливицы вливались в семью спортсменов, где бросали вредные привычки и приучались к дисциплине и трудолюбию; гимнастов уважали, к ним относились по-особенному школьные учителя, близкие, друзья и в первую очередь девчата. Вместе с тем логовская шпана продолжала создавать проблемы для милиции и домочадцев – «бомбили» автоматы газированной воды, различные ларьки и палатки, сады, погребов, иногда постреливали из обрезов. Их ловили, ставили на учет в отделении милиции, воспитывали, штрафовали, затем, исчерпав все меры профилактики стали отправлять в детские колонии, процесс «посадок» продолжался достаточно долго, но был эффективным, милиция была довольна проделанной работой. Но большая, основная часть населения рабочего района, особенно учащаяся и рабочая молодежь не были подвержены вредному влиянию улицы, были ответственными, помимо интереса к спорту искали выхода для применения творческой энергии, различных способностей и для этого в городе было достаточно возможностей.

В целом, пятидесятые – шестидесятые годы – это годы массового пробуждения интереса, колоссальной тяги к самостоятельному и художественному творчеству, тяги к духовности, к прекрасному, к тому, чего так не хватало в повседневной жизни, она была наполнена пафосом победы в недавно закончившейся войне и надеждами на то, что все тяжелое, несправедливое и мрачное уйдет безвозвратно, а впереди счастливое будущее. Вообще люди того времени – это открытый, добродушный и гостеприимный народ, где взаимовыручка была нормой жизни; занять трояк – рубль до получки или чего-нибудь из продуктов – пожалуйста, прийти всей семьей к соседу посмотреть вечерний фильм по телеку – проходите в дом, организовать помощь соседу в ремонте или строительстве – это мы можем, объединившись соседними домами вскладчину отметить очередной праздник или День рождения, весело и культурно, накрыв столы во дворе было традицией, люди в основном скромного достатка, умели и любили объединяться и в праздники, и в горе без национальных различий и вероисповеданий:

*Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок.
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо, на денёк...
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости #
Милый дом...*

Это ностальгия, не правда ли, о безвозвратно ушедшем человеколюбию, чистоте и искренности внутреннего мира человека, который был прекрасен своей простотой и незамутненностью!

В начале шестидесятых в городе выстроили белокаменный Дворец пионеров, куда устремились толпы школьников в авиа- и судомодельную секции, умелые руки, изобразительного искусства, различные музыкальные, танцевальные и театральные кружки, всеми предоставленными возможностями для развития дети пользовались исключительно бесплатно, а наиболее активные и успешные получали подарки, грамоты, путевки во всемирно знаменитый «Артек».

Способная и талантливая молодежь, да и зрелые люди, увлеченные различными видами и жанрами искусства, проводили досуг в многочисленных художественных коллективах учреждений культуры и музыкальных школ.

Одним из самых привлекательных и популярных в городе был Народный театр Центрального Дворца культуры угольщиков, которым руководил корифей театра, человек-легенда Валентин Апполонович Ваграмов (театральный псевдоним Леонардо-Виколло). Он начал театральную карьеру в 1911 году, в 1920 г. – он организатор и режиссер драмтеатра в г Липецке, в 1920–1925 гг работает в театрах Луганска и Армавира, с 1925 по 1933 гг. – актер и режиссер Московского театра «Безбожник», где он играет в спектакле «Праздник святого Йоргена» вместе со знаменитым Народным артистом СССР Михаилом Царевым, в 1929 году тов. Ваграмову выдается мандат «для содействия командиров воинских частей в съемках картины «Первая конная Армия» за подписью легендарного Командарма Семена Буденного, в 1930-40 гг. – работает в театрах Вышнего Волочка, Торжка, Кирова, Омска, Энгельса, Анжеро-Судженска.

В 1951 году Ваграмов приходит во Дворец культуры угольщиков, где весь свой огромный опыт отдает работе в драматическом коллективе, который стал вторым домом большому числу любителей театра, в содружестве с прекрасным художником Владимиром Кравцовым он ставит классические спектакли «Разлом» Бориса Лавренёва, «Бесприданница» Александра Островского», «Опасный спутник» Афанасия Салынского, комедии «Раки» Сергея Михалкова, «Камни в печени» Андрея Макаёнка.

Ушедшего на пенсию режиссера Ваграмова заменил молодой энергичный и талантливый Виктор Титов, который организовал при театре детскую студию, ставил спектакли для взрослого зрителя и детей, театр давал многочисленные выездные спектакли и концерты для зрителей районов, выступал по областному телевидению, его коллективу присвоили высокое звание Народный театр.

Затем, в 1967 году театр возглавил зрелый режиссер, талантливый педагог и наставник, интеллигентный и всеми любимый Владимир Рощаковский, который отдал театру двадцать пять лет, поражая окружающих своим интеллектом и глубиной познаний в области педагогики и психологии, что зачастую помогало уберечь творческий коллектив от скандальных негативных ситуаций, свойственных многочисленному, разновозрастному творческому объединению. За долгие годы творчества он поставил десятки художественно-зрелых и ярких спектаклей, были и сомнения; приходилось вступать в конфликты и отстаивать интересы и позиции театра, и чаще всего оппоненты соглашались с ним, с его обезоруживающей интеллигентностью и оба-

янием. Немало участников театра в дальнейшем связали свою судьбу с искусством – стали актерами, режиссерами, театральными педагогами, некоторым присвоены ученые звания, есть и директора театра и дворцов культуры, есть шахтеры, учителя, врачи, инженеры и простые работяги.

Красный Лог – это малая Родина нескольких поколений, не обремененных особой наследственностью или родословной, в подавляющем большинстве это дети из обычных семей и скромных родителей, и выглядит она на фоне карты огромной Страны маленькой, едва заметной точкой, которая излучает яркое свечение, она зовет и манит двигаться вверх и вперед. Спасибо тебе, Красный Лог за радость и печаль, за встречи и разлуки, за достижения и провалы, неудачи, ты – великолепная и богатая школа жизни многих поколений. Спасибо тебе за яркие, незабываемые уроки жизни!

Художник

Иван неторопливо шел в приподнятом настроении по запорошенному городу, сверкающему новогодними украшениями, бумажными гирляндами, праздничными витринами магазинов, мимо спешащих и снующих озабоченных прохожих с полными авоськами и сетками, наполненными традиционным набором продуктов периода расцвета социализма: палка вареной или докторской колбасы, колбасный сыр или советский, голландский, сельдь атлантическая, шпроты, кабачковая икра, зеленый горошек, болгарские огурчики, маргарин сливочный, конфеты «Ласточка», предмет обожания – мандарины, счастливым удавалось достать апельсины. Другие дефицитные продукты, добытые «по благу» тщательно закатывались в серую упаковочную бумагу – подальше от завистливых глаз. Многие спешили с молодыми елочками на плече или подмышкой, иногда навстречу проплывали, слегка покачиваясь, горожане навеселе, явно уже проводившие Старый год. Сегодня он не спешил в Дом культуры, те работал художником всего два месяца после «дембеля». С большой фантазией и даже вдохновенно он оформил к предстоящим торжествам зал, фойе, вестибюли, лестничные пролеты, а белокаменный фасад здания ДК был превращен в подобие сказочного терема, где на площади перед входом стояла стройная, наряженная пушистая пихта, привезенная из тайги, а вокруг расположились искусно вырезанные сказочные ледяные персонажи с Дедом и Снегуркой, – сказочный городок сверкал на удивление и радость детворе и взрослым.

На всевозможные подготовительные, эскизные разработки, затем воплощение элементов и сюжетов оформления интерьеров помещений и фасада, лепку ледовых скульптур он потратил два месяца, когда он был свободным в своих фантазиях и наслаждался этой возможностью творчества, – глаза его горели, а в руках всё спорилось, здесь наглядно были обнаружены и реализованы навыки разностороннего мастера, в Суриковском художественном училище, которое закончил перед призывом, он учился на отделении живописи, где полюбил рисунок и карандаш, охотно рисовал портреты и натюрморты, тяготел к жанровым сюжетам, а скульптура или монументальная живопись не были предметами его интересов. Но армия настойчиво потребовала от него реализовать всё, чему научился в художке и даже сверх того. Портреты командиров, начальников штабов и замполитов, их жён и детей, домашних питомцев, кроме того, бесконечные праздничные варианты оформления к красным датам, наглядная агитация в штабных помещениях, казармах и полковом клубе, – всего не перечислить. А еще к нему выстраивались в очередь, чтобы получить вождельный рисунок для наковки, без которой ни один уважающий себя солдат и сержант домой не возвращался, хотя все осознавали, что нарушают воинский Устав.

Предметом гордости рядового Ивана Антонова была галерея воинской славы из живописных портретов героев Гвардейского зенитного полка, особо отличившихся в годы Великой Отечественной войны, а также отличников боевой и политической подготовки из числа военнослужащих офицерского и сержантского послевоенного состава полка, который теперь дислоцировался в унылых песках Казахстана с его неизменно кочующими обитателями – вечно линяющими верблюдами и семействами диких ишаков, неустанно жующих колючий саксаул и сухую полынь.

Большие круглые настенные часы над дверью в вестибюле показывали без четверти двенадцать, когда художник вошел в здание, в котором было полно народу, гремела музыка вперемишку с детским смехом, песнями, очередной детский новогодний утренник, третий за день был в разгаре, впереди был еще один для курсантов военного училища. Директор Людмила Ивановна, увидев на входе художника, отделилась от толпы посетителей ему навстречу и попросила пройти в кабинет. Блондинка с пышным начесом на голове и ярким макияжем, в кофте из блестящего люрекса и юбке плиссировке, в высоких сапогах на платформе, с холе-

ными ногтями выглядела привлекательно и молодо, про таких говорят – женщина без возраста, хотя ей было уже за сорок.

– Иван Иванович, – начала она мягко и вкрадчиво своим приятным тембром, – Хочу еще раз выразить благодарность за прекрасное новогоднее оформление, чудесный ледяной городок; Вы настоящий мастер, мы все восхищены... я написала ходатайство в отдел культуры с просьбой о вашем премировании.

– Спасибо, приятная новость, служу советской культуре, – шутливо отчеканил и обаятельно улыбнулся ей.

Этот двадцатилетний молодой человек, воспитанный в интеллигентной семье инженеров, с хорошими манерами, открытыми умными глазами и обаятельной улыбкой, без вредных привычек стал центром внимания нового коллектива, к нему уважительно обращались по отчету. Она внимательно оглядела его и улыбнулась, – непокорный светлый ёжик еще не успел отрасти после армии и превратиться в мужскую прическу. Неожиданно она сменила тему:

– У нас возникла проблема, утром звонили из Управления «ДальЭнерго», в пятнадцать часов коллектив подводит итоги года, затем традиционное застолье и просят направить Снегурку с Дедом Морозом. Нашим по плану предстоит отработать как раз в это время «ёлку» для курсантов военного училища, закончат не раньше семнадцати, – речь шла о художественном руководителе Павловой – Снегурке и Деде – руководителе ансамбля Лисачеве.

– Запасную Снегурку взамен я нашла, заведующая массовым отделом Вероника Зайцева согласилась провести вечер, но с Дедом проблема, а без него никак, народ не поймет, я не смогла руководству отказать, мы без них, как без воздуха, они нам ремонты, приобретения, вот новый цветной «Горизонт» выделили, – и она кивнула в сторону новенького огромного телевизора в углу кабинета, затем окинула его еще раз вопросительным взглядом:

– У меня возникла идея, может быть, Вы нас выручите? Костюм подберем, тексты будет говорить Вероника, а Вы на подхвате рядом, загадки, хороводы, вручать призы, мешок для подарков и посох найдем.

Иван был несколько озадачен таким неожиданным поворотом событий, но отказываться не торопился, он очень хотел помочь директору, но возникали некоторые сомнения.

– Вообще-то в армии один раз пришлось «морозить», но выручил баян, играл- пел, я слухач, все подбираю...

– Вот видите, – оживилась Людмила Ивановна, нам не надо консерваторий, актеров, нам надо живо, с азартом и импровизацией, там тоже люди с пониманием, главное – традиция и внимание к руководству, они нам, а мы в благодарность им.

Почти счастливая директор, подхватив Ивана под руку, потянула его в костюмерную, где перед зеркалом красовалась уже почти готовая Снегурка.

– Подберите костюм Деду Морозу, у вас есть один час времени, обратилась она к костюмеру и по совместительству завхозу тете Даше, затем довольная решенной задачей направилась в гущу повседневных организационных директорских проблем, но задержавшись на выходе добавила, – Найдите какой-нибудь приличный баян, я ушла, но я здесь.

– Так это мы с Вами, Иван Иванович, сегодня будем отдуваться? – стрельнула Вероника через зеркало глазками, продолжая заниматься костюмом.

– Ничего, как-нибудь отстреляемся, Вы только патронов мне подкиньте, я имею в виду текст, слова поздравления, а дальше уже по ситуации.

– А Вы не из пугливых, смелость города берет, шутливо броила она и уже серьезно продолжила:

– Я напишу текст на новогодней открытке, и если не сможете запомнить, не беда, – берите открытку и зачитывайте текст, как телеграмму, всё просто и оригинально, из уст Деда Мороза любой текст принимается восторженно. Инициативу ведения вечера беру на себя, следите за

мною и включайтесь по сигналу, нам главное – праздничное приветствие и хоровод «в лесу родилась елочка...», – сыграть сможете?

Он утвердительно кивнул и добавил:

– Не сомневайтесь, не подведу, буду внимателен, но там, как я понял, не детский утренник?

– Веселая взрослая компания под градусом легко впадает в детство, здесь даже проще.

Ему с первых дней понравилась эта жизнерадостная и общительная заведующая отделом, зеленоглазая и с тонким разлетом бровей, мягким овалом лица и шикарными, спадающими на плечи шёлковой волной русыми волосами. Ему иногда казалось, что он готов влюбиться, что они могли бы стать хорошей парой, но мешали то занятость, то его нерешительность преодолеть дистанцию служебных отношений.

Дальше все занялись подготовкой сказочных персонажей: Вероника писала тексты, костюмер из глубины помещения выносила детали старого комплекта костюма, Иван все это примерял, прикидывал, она подшивала, в парике с бородой и усами, в сверкающей шапке он преобразился до неузнаваемости.

Через час сборов всё было готово, оба персонажа выглядели достоверно и убедительно, осталось проверить найденный баян. Иван взял несколько аккордов, выдавший виды «Туляк» прилично держал мехами воздух, а кнопки отзывались довольно звонко.

Управление «ДальЭнерго» располагалось в хорошо отремонтированном четырехэтажном здании на центральной площади рядом с Горкомом КПСС, на расстоянии двух автобусных остановок. Добираться общественным транспортом в набитом пассажирами, как «сельди в бочке» было рискованно, поэтому решили двигаться пешком, из расчетного времени полчаса до места назначения.

Толпы прохожих расступались перед сказочными персонажами с улыбками и приветствиями, изумленные ребятишки, раскрыв рты останавливались и пытались понять – они настоящие или как?

В вестибюле их встретил подтянутый, с армейской выправкой дежурный и по телефону доложил кому-то о прибытии гостей. По маршевой лестнице к ним стремительно спустилась импозантная, увешанная золотыми украшениями, в богатом бархатном платье, с невероятно высоким начесом на голове председатель профкома Коновалова.

– Дорогие гости, ждем-ждем вас, народ волнуется, деловая часть закончена, все уже сели за столы. Они поднялись на третий этаж, председатель переложила из коробки в мешок Деда кучу различных сувениров: коробки цветных карандашей, электроплойку, бигуди в наборе, механическую бритву, духи «Тет-а-Тет», «Может быть», «Сигнатюр», «Ландыш серебристый», «Красная Москва», Советское шампанское, шоколад и прочую мелочь, распахнула дверь в шумный зал и объявила многозначительно: «Ваш выход!»

Просторное помещение с большими окнами и тяжелыми шторами было обставлено накрытыми столами вдоль стены, другая половина была свободна, где в центре сверкала ёлка. Столы поразили вошедших гостей богатством и разнообразием: бутылки шампанского вперемешку с коньяком, водкой и марочными винами, нарезки копченых колбас, сервелата, красной рыбы, икра черная – красная, горы апельсинов, яблок, ананасов и бананов, шоколадные конфеты в вазах и россыпью по всему столу. Отмечавших наступающий 1971 год было человек двадцать, управленцев-энергетиков: инженеры, экономисты, финансисты, снабженцы – одним словом элита технической интеллигенции. Присутствующие уже дважды поднимали тосты за успешное выполнение плана по итогам уходящего года, за мудрых руководителей энергетической отрасли, затем наполнили бокалы для следующего тоста, при этом все нещадно курили, а распахнутые форточки мало помогали, впрочем, дыма не замечали, к нему привыкли повсеместно, все были в благодушно-приподнятом настроении.

Гости шагнули в зал навстречу одобрительным возгласам и аплодисментам хозяев, Дед ударил посохом в пол и начал низким голосом:

*#Заждались вы Деда гости,
Я спешил на торжество.
Всюду нынче Новый год,
Так что дел невпроворот!
Но успел я к Вам друзья,
Рад Вас видеть очень я!*

Дальше подхватила Снегурка нежно и напевно:

*#Мы пришли из снежной дали
К Вам сюда на торжество.
И меня Вы тоже ждали #
Внучку Деда своего.*

*Дед порой бывает строгим,
Ведь на то он Дед Мороз!
Шаловливых взрослых многих
Крепко дергал он за нос.*

*А сегодня в этот праздник
Не обидит Дед-проказник.
Веселиться будет Дед,
Скинув пару сотен лет.*

*С Новым годом поздравляем
И от всей души желаем:
Не болеть и не хандрить
И всегда веселым быть!*

*Дружно встанем в хоровод,
Вместе встретим Новый год!
Хоровод мы заведем,
Песню елочке споем!*

Дед энергично подхватил приготовленный баян, ударил по кнопкам и растянул меха, Снегурка увлекла за руку одного-другого, остальные охотно образовали галдящий круг и с усердием, вдохновением дошколят, с песней «в лесу родилась ёлочка...» двинулись вокруг ёлки, объединенные осознанием сказочной темы и чувством момента. После нескольких кругов участники пришли в неопиcуемый восторг; дружно хлопали, Деду жали руку и поглаживали его бороду, иные мужчины пытались приобнять или чмокнуть Снегурку, и возбужденная компания, наперебой предлагающая место за столом гостям, шумно начала рассаживаться, стрелять пробками шампанского, разливать спиртное, разбирать закуски... Начальник Управления Сиваков взял слово и предложил тост за смычку энергетиков, дающих свет и тепло всему населению Советского Союза с работниками культуры, несущими радость и праздник этим людям; зазвенели бокалы, понеслись возгласы «Ура», и народ сосредоточенно принялся пить и закусывать. Парторг Комиссарова с рыжей, почти красной копной волос над головой произ-

несла тост за мирное небо, великий народ и его грандиозные свершения под чутким и неустанным руководством любимой коммунистической партии.

Все налили и снова выпили, многие уже не закусывали, а лишь занюхивали, внутренний градус компании неизменно повышался. Снегурка оказалась между Сиваковым и его замести-

телем Верхушкиным, упитанным сорокапятилетним весельчаком с масляными глазами и жирными похотливыми губами, рука которого скользила как бы невзначай, случайно по талии и ниже, иногда поднималась вверх в район упругой груди: Снегурка не пресекала его поползновения и не подавала вида, всё было под контролем.

Деда окружили молодые, энергичные дамы, которые наперебой предлагали выпить, тянулись с бокалом в руках и закуской, наконец им удалось задрать ему усы и уговорить выпить бокал коньяка, который приятной, горячей волной затем разлился по телу. В это время одна озорная моложавая дамочка проникла рукой ему под халат и что-то сосредоточенно стала там искать. С Деда свалилась шапка, сползла борода, и к удивлению и восторгу разгоряченных дам обнаружилось, что он совсем молодой, отчего они совершенно определенно возжелали выпить с юным Дедом «на брудершафт» и ринулись к нему с бокалами, оттесняя друг-друга. Снегурка, наблюдавшая за бурным проявлением внимания к партнеру по сцене, поспешила ему на выручку и громко объявила танец «Летку-Еньку». Дед не без усилий освободился от цепких рук, поправил амуницию, взял баян и не всегда попадая на нужные кнопки, но азартно стал растягивать меха. Снегурка вприпрыжку повела прицепившийся за собой подпрыгивающий «состав», азартно распеваящий:

*...раз-два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать.
Милая славная смешная Енька,
Нас приглашает танцевать!*

Затем народ потребовал «Ладу» и мужская половина взяла инициативу, баритоны и басы возвышенно и боевито начали:

*Под железный звон кольчуги...
На коня верхом садясь,
Ярославне в час разлуки...
Говорил наверно князь.*

Дальше напевно подхватили дамы:

*Хмуриться не надо, Лада...
Для меня твой смех награда, Лада!*

Не успели допеть Ладу, как чей-то голос потребовал:
– Давай «Электричку»! и вокруг стали подхватывать:

*...Опять от меня сбежала,
Последняя электричка.
И я по шпалам, опять по шпалам,
Бегу домой по-привычке.*

Затем выпили без тоста и запели «Черного кота», потом «Песню про Медведей», «Ландыши», «Если друг оказался вдруг»... Кто-то закричал: – Пусть Снегурка спляшет, просим... пусть спляшет «Цыганочку», давай с выходом! Дед сбивчиво нашел нужные аккорды, сыграл проигрыш, и она вышла вперед, повела тонкими бровями и пошла по кругу, слегка откинув горделиво голову и легко вращая стройный стан; она и впрямь была прелестна и вызывающе молода, а ее красиво очерченные, яркие губы, сверкающие белоснежные зубы, высокая грудь

не оставляли равнодушными разгулявшихся мужиков, поспешивших за ней, потряхивая плечами и втягивая предательские животы, выделявая ногами коленца, отчаянно обстукивая тело ладошками, а кто-то пронзительно высвистывал трели.

Она с детства, как и многие советские школьники, занималась хореографией, затем закончила культпросветучилище, поэтому танцевала легко, красиво и зажигательно.

Проворный Верхушкин, оттеснив всех от Снегурки, орлом кружил и выплясывал для нее, сверкая лихорадочно возбужденными глазами, он скинул пиджак и лихо освободился от галстука: его толстая, багровая шея и крутой лоб с залысинами покрылись испариной, рубаха на спине намочила, но он уже вдохновился юной девой и сейчас возмечтал только об одном... Закончив отплясывать и тяжело дыша, он подошел к столу, плеснул в фужер порцию коньяка и с наслаждением принял внутрь содержимое. Слегка отдышавшись закурил любимую болгарскую сигарету «Солнце», не докурив затушил и направился в соседний кабинет, откуда через минуту вынес новенький магнитофон. Покрутив кассету, он нашел нужную мелодию, включил всю громкость и галантно пригласил Снегурку, которая тут же оказалась в цепких руках стареющего кавалера с просящими глазами... Зал наполнился лирической мелодией песни...

*Тополя, тополя, в город мой влюбленные,
Ждут дороги меня, и тревоги новые.
Далеко ухожу, в сердце Вас уношу,
Как весенний волнующий шум...*

К счастью, бесконечная песня закончилась, она облегченно выдохнула, он поцеловал ручку и многозначительно промурлыкал:

– Следующее танго за мной, я приготовил хорошую музыку, уверен-тебе понравится...

Она озадаченная молча направилась к Деду, он к столу за коньяком, а к нему не спеша, покачивая крутыми бедрами, подошла Коновалова и понизив голос бросила:

– На молоденькую потянуло, седина в бороду бес в ребро... смотри, слюной не подавись!

Он взял наполненный бокал и, не скрывая иронии парировал:

– Тамара, ты чего заволновалась, ревнуешь? Это ведь сказочный персонаж, вот я и опекаю от лица руководства, так сказать...

– Ты дома своей жене будешь рассказывать, как ты стал опекуном Снегурке при живом Дедушке; шары блестят как у мартовского кота, но ты не кот, ты – кобель...

– Тамара, я хоть и член профсоюза, но не надо промывать мне воспаленные усталые мозги, золотко, дай отдохнуть, не морочь голову...

– Это ты не морочь мне моё «Фаберже»... припрешься каяться – не впущу, в лесу под ёлочкой со Снегуркой будешь отдыхать!

Она перевела надменный взгляд на Снегурку, которая вдруг остановилась и объявила, что Дед принес полный мешок подарков, которые можно получить, но следует исполнить какой-либо номер. Все снова стали наливать, чокаться и выпивать, мало чем закусывая, все больше каламбурили, курили и поглядывали на нее, – кажется мужики «запали» на Снегурку и не стеснялись обсуждать ее явные и скрытые достоинства. Между тем, номера хозяева исполняли охотно: пели, читали стихи, иные собственного сочинения, тут-же вскрывали заработанные дефицитные духи, распространяющие невообразимые польско-французские ароматы; через несколько минут все дамы уже источали манящие запахи. Застольный процесс вошел в кульминационную стадию, когда уже нет начальников и подчиненных, всех накрыло благодушное состояние эйфории, все простили друг другу давние обиды, чмокались и отвешивали взаимные комплименты, опять наливали и много курили. Снегурка поняла, что уже можно заканчивать свою часть культурной программы, осталось провести финальную часть – загадки-отгадки и прощальный хоровод «Маленькой ёлочке холодно. Ей порядком надоели его ска-

брёзные шуточки, многозначительные намеки и липкие обнимания, а он был уверен в своей неотразимости и ее доступности, ведь он представлял звено руководителей, а она – обслуживающий персонал, как впрочем, и любой работник культуры; его мысли, окутанные пьяным угаром, вертелись в одном направлении:

– Хочу, – значит, могу, должна, – значит обязана, но всю обедню портит зараза Коновалова, надзиратель профсоюзный, борец за нравственность, а сама не прочь прогуляться в чужом саду...

Она с трудом собрала внимание шумной компании и предложила игру «загадки-отгадки», кто больше отгадает, тот получит подарок от Деда и Снегурки, и начала:

– Без рук, а рисует, без зубов, а кусает, – кто-то выкрикнул «мороз».

– Что станет с мячиком, если он упадет в Черное море? – посыпались варианты, но один отгадал – «намокнет».

– Висит груша – нельзя скушать, – все варианты ответов Снегурка забраковала и выдала правильный: «Тетя Груша повесилась». Кто-то рассмеялся, кто-то не понял юмора, пожимая плечами, иные многозначительно кривясь хмыкнули, парторг Комиссарова слегка покачала головой, что означало «не одобряю». Игра продолжалась, а явного лидера все не было и она почему-то весело, даже задорно выдала: – «Зимой и летом одним цветом». Вариантов ответов было немало, но увы... Тогда она также задорно выпалила отгадку: – «КПСС»! Шум в зале постепенно стал затихать, многие с любопытством глядели на нее, будто сейчас впервые увидели.

– Коммунистическая партия Советского Союза, – членораздельно уточнила она и еще добавила: – ...зимой и летом... неужели непонятно? это ведь метафора, обобщение с юмором.

Сиваков энергично хлопая покрасневшими глазами, обратился к окружению:

– Это она про что сейчас? Она над кем смеется? Это ведь святое!

– Пригласили в уважаемую организацию к приличным людям, а они как свиньи, с ногами на стол, – подхватила Комиссарова.

– Это вместо благодарности такие поганые шутки? Ах, вы культур-мультиур недоё... е, нет, такие работнички идеологического фронта вредны и опасны, – прошипела Коновалова.

– Меня в партию приняли в 1941 году под Смоленском, с достоинством произнес приглашенный ветеран, – до сих пор ношу партбилет и горжусь этим.

– Тут люди в партии состоят по двадцать-тридцать лет, а они смешки, издевки... – сыпались комментарии, – сама наверное, комсомолка, а в комсомол-то ее принимала партия, в компании все сильнее нарастали патриотические настроения и негодования коммунистов, ветеранов и участников войны. Заведующая массовым отделом Зайцева – Снегурка была в смятении, даже растерянности, она не сознавала, что наступила на мину замедленного действия, она заигралась и упустила из виду фактор состава окружения, да она и не могла предположить, что веселые и приветливые люди так остро и болезненно воспримут безобидную, как ей казалось, новогоднюю шутку для взрослых.

– Мне сразу не понравилась эта особа, весь вечер строит мужикам глазки, виляет кормой, так Снегурки себя не ведут, – негодовала Коновалова, – та – скромный и невинный персонаж, а эта прямо копытами стучит, мы таких знаем, – и опять брезгливая, надменная маска накрыла ее возбужденное лицо.

– Я не совсем согласен с уважаемым профкомом, Снегурка нынче молодая и танцует прекрасно, вспомните сорокалетних теток в прошлые годы: ни петь, ни лаять, ни танцевать толком... Но один изъян все-таки есть, язычок бы ей следовало подрезать и хитро шурясь он осушил очередной бокал.

Снегурка, пытаясь завершить свою программу вечера, попросила Деда играть «Маленькой елочке холодно...», тот проиграл первые аккорды, но на меха баяна легла чья-то тяжелая рука:

– Не торопитесь артисты уходить, вашу загадку мы все-таки разгадали, вы оказались бессовестными гостями, оскорбившими хозяев дома, пусть теперь она нам спляшет без костюма, мы хотим увидеть, кто же исполнял роль Снегурочки? Заодно посмотрим, чем она «виляла»... – хохотнул и расплылся в улыбке довольный придуманной подленькой затее ведущий экономист Мищенко. Дальше пьяные, плохо контролирующие свои поступки, обиженные и разгневанные хозяева начали действовать в русле собственных представлений о справедливости, гостеприимстве и с высоты своего положения. Кто-то сдернул с нее шапочку, затем затрещали застежки на ее костюме, она вскрикнула, попыталась избавиться от цепляющихся рук, но ее окружили кольцом. Иван рванулся к ней, но тяжелый удар сбоку остановил его, он осел на пол, кто-то пнул в спину, одна из любопытных дам сдернула шапку, парик с бородой и размахивая ими над головой, счастливая от захваченной добычи, визжала:

– Я же вам говорила, что не старый, совсем молодой и наверное не холодный, надо про-верить...

Иван вспомнил армейские навыки, где он кроме кистей и красок освоил еще кое-что... Он ударил экономиста по ногам, затем крюком снизу в живот, тот согнулся и замер. Иван рванулся к Веронике, но опять получил удар сзади, кто-то вцепился в руки. Верхушкин запустил пятерню в ее роскошные, упавшие на плечи волосы, другой рукой сдавил грудь, она закричала от боли и страха, но техническая интеллигенция не проявляла ни малейшего сочувствия к ней; кто-то не торопясь в сторонке потягивал вино, брезгливо наблюдая пошлую сцену, кто-то сосредоточенно покуривал, другие азартно держали кольцо оцепления, куда ворвался Иван и нанес резкий прямой удар в голову Верхушкину, который с разворотом тяжело рухнул навзничь на затрещавший и развалившийся под ним стол; загремели бутылки и бьющаяся вдребезги посуда, хрустальные бокалы, оранжевыми и красными пятнами раскатились по полу дефицитные апельсины и импортные яблоки, шлепнулись на пол бутерброды икрой вниз. Народ завизжал, завязался клубок дерущихся и их разнимающих тел, который превратился в свалку рычащих, скверно ругающихся, раздрызганных инженерно-технических работников, некоторые уже были в крови.

Гости плохо помнили, как вырвались из зала и бежали в панике полураздетые и растерзанные, проскочили мимо ошалевшего дежурного и устремились в спасительный Дом культуры, сопровождаемые комментариями и сочувствием прохожих:

- Надо милицию вызвать, наверное, их избили...
- Сами разберутся, какой праздник без драки...
- Может, им помощь нужна?..
- Молодые, сами справятся...
- Хорошо, видать, погуляли, на полную катушку, от души!

В полдень тридцать первого декабря семья Антоновых сидела в квартире на кухне за чаем. Раздался звонок в дверь, хозяйка пошла открывать, вошли двое в форме и спросили художника Ивана Ивановича Антонова... Иван все понял, молча оделся, на выходе приобнял ее:

– Мама, не переживай, там разберутся, я защищал девушку.

Машина стремительно подъехала к зданию милиции, его завели в кабинет, где пожилой следователь Муравьев изучал какие-то бумаги, бросил взгляд на Ивана и велел сопровождающим ждать за дверью. Затем стал составлять протокол допроса, но в какой-то момент остановился и положил ручку:

– Я изучил твое личное дело, – служил в армии, отмечен благодарностями командования полка, комсомолец, хороший художник и вдруг; преступник! Короче, поступило заявление от потерпевшего Верхушкина, из чего следует, что ты в состоянии алкогольного опьянения устроил драку в кабинете управления «ДальЭнерго», избил заместителя, выбив ему зубы и

сломав руку, нанес удары еще нескольким сотрудникам и в стоворе с гражданкой Зайцевой проводил клеветническую, антипартийную пропаганду.

Факт совершения преступлений подтвердили восемнадцать свидетелей, осталось приложить заключение «судмедэксперта» и все, ты поехал... Следователь закурил папиросу, выпустил струю дыма:

– Дед Мороз избил хозяев и агитировал членов партии против партии, – такое в страшном сне не приснится!

Иван понял, что над ним сгущаются тучи, вдруг подкатила противная тошнота, и озноб пробежал по телу, он немало удивился, с какой оперативностью были собраны бумаги про него и против него.

– Ты подтверждаешь факт избияния заявителя?

– Меня били, а я отвечал, он напал на Снегурку – Веронику, ну я стал защищать, а руку он сам, завалился своей тушей, и стол вдребезги...

– Ты подтверждаешь факт опьянения? Что ты пил и сколько?

– Вообще-то я не любитель выпить, а тут праздник, народ просит Деда Мороза, даже физически настаивают... выпил шампанское, коньяк, – подтверждаю.

– Теперь давай про антипартийную пропаганду.

Иван сбивчиво рассказал про игру с загадками-отгадками с юмором, шутками...

– За такие шутки в тридцать седьмом давали по десять лет и на лесоповал... Ты наскреб себе на горб три уголовные статьи, по совокупности тебе грозит до восьми лет, да еще в пьяном состоянии, а это отягчающие обстоятельства. Ты хоть понял парень, куда влип? Там ведь все являются членами партии, а каждый второй – орденосец, у всех друзья – приятели в партийных органах, они не прикидываются, они так воспитаны, с верой в идеалы парии, а ты им хиханьки-хаханьки и кулаками по зубам, тебя как культурного человека пустили в уважаемый дом, а ты взял и нагадил, да еще погром устроил.

– Я вообще не люблю драться, я честно рассказал, что защищался, но не избивал, я вступился за девушку.

– Факт нападения на девушку надо еще доказать, это большой вопрос, а вот факт злого хулиганства в официальном учреждении с нападением и нанесением ущерба и вреда здоровью налицо, есть подписи свидетелей, есть признание подозреваемого, то есть твои. А дискредитация общественного строя и клевета на партию со стороны комсомольцев Антонова и Зайцевой тоже подтверждены кучей свидетелей.

Следователь положил перед Иваном бумагу и предложил подписать, Иван взял ее в руки и прочитал: – Ордер на арест Антонова И.И.

Ему надели наручники и увели в цокольный этаж милиции в камеру предварительного заключения, где содержались хулиганы, воры, тунеядцы, беглая шпана; эта разношерстная компания расположилась на широких деревянных нарах; вверху под потолком тускло светило засиженное насекомыми зарешеченное окошко, в углу у железной двери стоял железный, зловонный бак с крышкой – это был туалет. Помимо ужасной тесноты, спертого воздуха, отвратительной кормежки в виде рыбьей баланды из ржавых голов и хвостов приходилось испытывать ночные кошмары, когда полчища клопов выползают на охоту, особенно на новеньких, и битва с ними продолжается до утра под скрип грызущих доски полчищ мышей.

Для защиты обвиняемому назначили молодого адвоката Сазонову, миловидную с большими открытыми глазами девушку, у которой это было едва ли не первое дело. Изучив ситуацию и ознакомившись с доступными для адвоката документами, она оценила всю серьезность обвинений и возможность тяжелых судебных решений. Она для себя выбрала тактику довольно рискованную и спорную, но ей она казалась выигрышной; встретилась с Вероникой, с которой следователь взял подписку о «невыезде», и которую уже поспешно уволили за «несоответствие требованиям к идейно-нравственному уровню»... короче, сдали хорошего молодого

работника на «съедение». Сазонова убедила Веронику не отсиживаться в печали и слезах, а начать действовать немедленно. В тот же день в отделение милиции поступило заявление от Зайцевой Вероники о «посягательстве на ее честь и попытке насилия»; и хотя свидетелями могли бы стать все присутствующие, но по понятным причинам (коллектив своего начальника ни за что не сдаст) в заявлении свидетелями были указаны только Антонов Иван и дежурный по зданию управления; свидетели, правда, спорные, но все-таки они будут в деле. А когда мама Вероники, школьная учительница принесла следователю справку медицинского освидетельствования дочери, следствие заметно замедлило темпы, огульные обвинительно-разоблачительные тенденции пришлось умерить в связи с возникшими новыми обстоятельствами. Адвокат настойчиво пыталась опровергнуть обвинения в групповом сговоре и очернении партии, настаивала и утверждала, что обвиняемые играли лишь роли сказочных персонажей, где старый Дед и молоденькая Снегурка пользовались традиционной формой массовых игр, где юмор, шутки – это естественные элементы праздника, к тому же оба комсомольцы и уважают партию, ведь их родители из числа инженеров и учителей являются членами партии. Следователь, после долгих сомнений, мотив «сговора» из обвинительного заключения исключил, в процессе судебных заседаний орденосный судья демонстрировал объективность, непредвзятость подхода к рассмотрению дела, общественные заседатели, назначенные в разбирательстве дела от лица народа держались молчаливо и подчеркнуто беспристрастно, Вероника Зайцева проходила по делу в качестве свидетеля. Иван держался с достоинством, все обвинения в свой адрес признал и всю вину за содеянное взял на себя. А глазами он все искал в зале заседания родителей, но так и не нашел. Всё случившееся коммунисты Антоновы расценили как безрассудную, хулиганскую злонамеренную выходку сына и негласно отреклись от него.

В обвинительной речи прокурор затребовал у суда в качестве наказания за содеянное подсудимому Антонову И.И. восемь лет заключения. Суд принял во внимание чистосердечные признания и раскаяние подсудимого, положительные характеристики и назначил ему срок шесть лет с отбыванием в колонии общего режима. Директор Дома культуры отделалась испугом, получила выговор с занесением в учетную карточку члена КПСС за низкую идейно-воспитательную работу с кадрами. Вероника устроилась техничкой в больницу, но через два месяца села в поезд и отправилась на Всесоюзную стройку – Байкало-Амурскую магистраль. Ивана в наглухо зарешеченном арестантском вагоне повезли тоже на Восток, в пересыльную тюрьму, которая располагалась на бывшем кандалном тракте, что на Транс-Сибирской магистрали. На железнодорожной станции М. К. посреди тайги поезд остановился, и арестантский вагон оцепили краснопогонники с карабинами и рвущимися с пеной на клыках свирепыми овчарками.

Зеков по одному выводили из вагона и садили на корточки лицом в землю, затем их погрузили в воронки и повезли к этой самой тюрьме. Охранники открыли тяжелые кованые ворота, машины въехали во внутренний двор, ворота наглухо закрыли, а осужденных вывели из машин и построили в шеренгу.

Тюрьма была построена еще по распоряжению Императора Николая Первого для распределения кандалников на каторжные работы в Красноярск, Иркутск, Читу, куда они шли месяцами, гремя кандалами и утопая в дорожной грязи, поливаемые холодным дождем, засыпаемые снегом, мучимые сорокоградусными морозами или жарой и полчищами кровососущих москитов. Этот тракт сначала проторили декабристы и их жены, а следом тысячи и тысячи приговоренных политических и уголовников; суровый край принимал в свои объятия всех, но отпускал лишь немногих, тысячами безымянных могил отмечен этот бесконечный путь, ведущий к печальному концу жизни несчастных, приговоренных к страшным испытаниям. Здание было четырехэтажное из красного кирпича, потемневшего от времени, сплошь зарешеченное коваными решетками и стальными сетками, чтобы сидельцы не могли что-либо разглядеть во дворе, за исключением полоски неба вверху прокопченных серых оконных проемов. Здание, напоминающее крепость, было огорожено четырехметровым каменным забором с колю-

чей проволокой в три ряда. Впервые оказавшись здесь, в этом гнетущем проклятом месте, Иван почувствовал себя ничтожным человечком, даже букашкой, у которой нет защиты и спасения, а есть леденящий душу страх и мелькнула мысль – ...все кончено, отсюда не выйти. Он оказался в этом парализующем волю и желание жить тюремном замке, где начинала «править бал» невыносимая тоска и одиночество, где далеко не все могли вынести психологического давления, которое обрушивалось всей своей мощью на каждого, кто попал в этот каменный каземат.

Удивительное дело, как быстро в закрытой тюрьме распространяются новости, сообщения, здесь все знают все про всех, беспроводной телефон действует безотказно и оперативно, где ничего нельзя скрыть от сокамерников, а врать – значит, подписывать себе приговор, такого зека называют «ссученным» и превращают в отверженного... таких заключенных здесь было немало. К Ивану отнеслись благосклонно, как к пострадавшему от безжалостного, карающего «совдеповского» режима, глядя на этого тщедушного, невысокого юношу, просили еще раз рассказать, как он уделал того партийного хряка, сломал ему челюсть и еще что-то... Уважение сокамерников вызвало его бесстрашие, с каким он один против своры пьяных коммунак бросился защищать девушку. Уголовник со стажем и в авторитете, старший по камере Кокорин стал ему покровительствовать: все заказы художнику на рисунки для наколок шли через него, это он решал – кому рисовать, а кому нет. За выполнение заказов ему стали подбрасывать: кто сахар, кто чай или пряники. После шока первой встречи с тюрьмой он постепенно стал обывкаться и подстраиваться к тюремному режиму и камерным правилам и законам. Но однажды он всё-таки угодил в карцер на десять суток за нарушение тюремного режима – изготовление рисунков для наколок, которые нашли в его матрасе надзиратели при очередном «шмоне». Штрафной изолятор находился в подвальном этаже тюрьмы без окон, где железная кровать без матраса и подушки с семи утра до десяти часов вечера пристегивалась замком к стене, табурета нет, отопления нет, есть тускляя лампочка освещения да глазок в двери для надзирателя и параша. Весь день штрафник в одиночестве мерит шагами сырую, затхлую камеру площадью четыре квадратных метра, а присесть не на что, затем измученный многочасовой шагистикой всю ночь ворочается на холодных железных «шконцах», содрогаясь всем телом и клацая зубами от холода, и так десять бесконечных, мучительных и невыносимых суток с выдачей двухсот граммов хлеба в день и кружки теплой воды. Каменный мешок вытягивает из человека жизненные силы и ежедневно добавляет разных хворей, и надо иметь недюжинную силу и железную волю, чтобы выдержать такое испытание. Истощенный и в обморочном состоянии, он вернулся вверх в камеру, показавшуюся после подземного склепа санаторной палатой с белыми простынями, горячей едой и ежедневными прогулками в обществе собратьев по несчастью. А вскоре Ивана по этапу отправили в Красноярский край, с его многочисленными зонами разных режимов, где чаще всего был лесоповал. Здесь художник в полной мере испытал суть ручного тяжелого труда; был он и вальщиком, и сучкорубом по пояс в снегу, работал на пилораме доставщиком, такелажником, но везде было одинаково тяжело и опасно, – чуть зазевался, и огромная лесина раздавит как насекомое или превратит в инвалида.

Однажды дневальный по отряду сообщил Ивану, что его вызывает капитан Кабанов – заместитель начальника колонии по режиму. Тот заволновался: чем мог проштрафиться? но так и не припомнил косяков за собой. Оказалось всё просто, – надо оформить территорию зоны к празднику Великого Октября, затем к Новому году... Художники в зоне сидели и до Ивана, но его история, отраженная в личном деле, профессиональная подготовка, да и его молодые годы позволили офицеру колонии выделить заключенного из общей массы. Его вывели из рабочей зоны и закрепили разнорабочим по жилой зоне: ремонт дверей, замков, оконных рам, доставка белья в баню, погрузка-разгрузка всего на свете, одним словом хлопотно, но без риска для жизни на фоне страшных морозов и затяжных дождей. А еще он стал увлекаться резьбой по дереву, ведь мягких хвойных пород дерева, годных для резца кругом было в изобилии, и он с удовольствием осваивал технику скульптурной резки, где главным законом творчества явля-

лось умение отсечь лишнее, теперь новое увлечение стало для него смыслом жизни в зоне, в какой-то момент у него возникла мысль вырезать деревянную композицию скачущей русской тройки с достоверной проработкой каждой детали, на выполнение которой он затратил многие месяцы. А еще ему поступали бесконечные заказы на рисунки для наколок, но не примитив и обывательщина, а вполне серьезные вещи – парусник в океане, Исаакиевский собор, Спасская башня Кремля, сюжеты из поэмы «Мцыри» Лермонтова, различные библейские мотивы, по которым он создавал самостоятельные, высокого уровня произведения. Нередко поступали заказы от руководителей колонии, офицеров на выполнение различных портретов, часто на пейзажи и натюрморты.

Шли годы однообразной чередой серой, сложной жизни зека. Несколько раз Иван отправлял письма домой, но ответы не приходили, он мучительно пытался найти объяснение молчанию родителей, но не находил их. Однажды ему вернулось письмо с лаконичной припиской на конверте: «адресат выбыл». Это была последняя незримая нить, связывающая его с волей, с родными людьми и определенными надеждами на будущее; осознание того, что он остался один, без родного очага приводило в состояние отчаянного одиночества, даже потерянности. Он отсидел весь срок от «звонка до звонка», а возвращаться на волю было некуда. Ему не было еще и тридцати, а выглядел он на сорок пять, с большими залысинами, потухшими глазами, без цели и вкуса к жизни, даже освобождение его радовало недолго. Ряд лет он околачивался в таежных поселках, где подряжался на строительство домов, коровников. Жил приживалой у одиноких женщин с нелегкими жизненными историями и судьбами, частенько с ними употреблял, затем постепенно пристрастился и стал усугублять... Участковый не единожды проводил с ним беседы на предмет устройства на постоянную работу, иначе грозил отправить на зону за тунеядство, – была такая статья в Уголовном кодексе РСФСР. Личная жизнь не складывалась, женщины периодически возникали, но до женитьбы дело так и не доходило. Не имея своего жилья и постоянного заработка создавать семью не решался, пугала ответственность, поэтому жил одним днем – без планов на будущее и претензий к прошлому.

За всю историю существования системы наказания, колония мало кого перевоспитала, да и существует ли такая задача, выполнима ли она? Попав за решетку, психофизика человека переформатируется на подсознательном уровне, когда задача выживания во враждебных ему условиях и среде становится сверхзадачей, а образ мышления и все поступки и действия подчинены этому. Человек становится не хуже, не опаснее или хитрее, или скрытнее, или враждебнее... он становится другим качественно. Каждый его поступок можно проверить целесообразностью: выгодно ему сейчас это или нет? И если ему что-то выгодно, он готов надеть любую маску, схитрить, обмануть, чтобы сберечь силы и выкроить себе даже мизерную выгоду. Иван – один из бесконечного потока на конвейере воспитания заключенных с близким к нулю достигнутым результатом, но стопроцентной гарантией, что он соберет и вынесет большую часть лагерного негатива, привычек, суждений, взглядов и жизненных ценностей. Лагерная философия – это по сути, конгломерат моральных правил и жестких тюремных законов, порой жестоких, где каждый сам за себя, те выживают сильные, еще задача системы – подавить личность, превратить каждого в часть общей, серой массы, те есть пастухи и есть стадо.

Ивана спасала профессия и его новое увлечение, ему удалось сберечь в себе душевные качества и человеческую совесть, однако отпечаток искореженных лет оставил свой след на долгие годы вперед.

Наконец, ему удалось устроиться в Дом культуры в рабочем поселке Кедровый художником, те зарплата была небольшая, но регулярная: аванс – получка. Но был еще постоянный приработок – наглядная агитация для учреждений и организаций, которые рассчитывались за исполнение заказа популярной в те времена «жидкой валютой», что вполне устраивало обе стороны. Иван писал плакаты, транспаранты, портреты вождей мирового пролетариата, социалистические обязательства и всевозможные партийные воззвания, призывы и обращения к

народу, при этом нередко уходил в запой, и тогда заказы сиротливо и подолгу ожидали руки художника, который с горечью понимал на что приходится растрчивать талант художника... в Доме культуры работала молодой специалист, руководитель хора Анисина Римма, которая, как оказалось, была землячкой Ивану: он поведал ей историю о родителях, и она прониклась сочувствием к художнику, затем списалась со своими родственниками. Через несколько месяцев она получила письмо, где сообщалось, что семья пенсионеров Антоновых проживает по прежнему адресу во здравии и благополучии и никуда не выезжала; у Ивана вновь затеплилась надежда. Наступило время летних отпусков, и Римма засобиравалась ехать в родительский дом, в тот самый город П. ск, где обещала передать весточку родителям Ивана. Бедолага всю ночь просидел над листами бумаги, прикуривая одну сигарету от другой, но так и не написал письма, его судьба, прожитые им безрадостные, тусклые годы не смогли втиснуться в тетрадный листок, не захотели видимо; он так и не нашел нужных слов. Утром бережно упаковал свое детище – любимую тройку – принес Римме и доверительно поведал историю ее создания:

– Скажите родителям, что жив-здоров, чего и им желаю, а письма не будет, только кони, может быть, черкнут мне пару строк? – он вышел и аккуратно притворил за собой дверь.

Приехав в родной город, она быстро нашла нужный адрес, поднялась на третий этаж и позвонила в дверь. Открыл седой, статный, еще крепкий с виду старик:

– Вы к кому, девушка?

– Я к Антоновым. Это вы? я привезла посылку от сына Ивана, мы работаем вместе, это его просьба. Удивленный, даже обескураженный хозяин предложил гостю пройти на кухню, где она поставила объемную упаковку на стол, развязала бечевку и сказала:

– Эта тройка скакала к Вам в дом много лет, теперь она здесь.

Вошла далеко немолодая, но все еще миловидная и ухоженная, в скромном халате женщина, остановилась, осторожно дотронулась до вздыбленной конской гривы и тихо произнесла:

– Мы думали тебя давно уже нет, Ваня, взяли грех на душу, прости нас...

– Мы здесь причем? Какая наша вина? – раздраженно начал отец, все больше распаляясь:

– Сам испоганил свою жизнь, мы растили его как порядочного человека, а вырос, как оказалось, бандюган... покалечил человека, оклеветал партию, на фронте мы, коммунисты первыми шли под пули врага и гибли первыми, спасли Страну... Он отошел к окну, думая о чем-то своем, близком и памятном, затем уже примиряющим тоном произнес:

– Лучшие, золотые годы проскакали, пронеслись вихрем мимо него, как эта тройка, а он скатился на самое дно общества, опозорил родителей... ну что же, каждый выбирает себе дорогу сам.

Гостю попросила передать сыну хотя бы записку; отец молча удалился в комнату, мать сидела, уставившись то ли на коней, то ли куда-то вдаль, в прошлое, в комнате воцарилась тишина отчуждения. Как же могло произойти, что родители не оставили родному, единственному сыну шанса вернуться в родной дом, где он родился и прожил свои лучшие юные годы, у которого не было более родных людей, чем они? Как же они не смогли понять, что посылку он отправил, как знак покаяния и просьбы о прощении за содеянное им в молодости? Как могли образованные, интеллигентные люди так очерстветь, забыть христианские заповеди о гордыне, равнодушии и сострадании к слабому, нуждающемуся в помощи? «Блудного сына» не впустили в дом, отвергли и обрекли на вечное скитание, изгнание, – родители поступили не похристиански; партийные догмы и мораль застили их сознание и закрыли их сердца, всю свою жизнь они признавали и молились своим богам, где не нашлось места милосердию и любви к ближнему. Она поняла, что письма не будет, поспешно попрощавшись вышла и торопливо спустилась по ступеням лестницы в обшарпанном подъезде, где когда-то белобрысый смысленный пионер, будущий художник Ваня Антонов шустро преодолевал пролеты этих этажей, торопясь то в школу, то в студию изобразительного искусства... Счастливые родители, глядя

на своего единственного, долгожданного сына, твердо верили, что его ждет прекрасное будущее, и они непременно будут им гордиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.